

УДК 342. 721

РИСКИ СОЦИАЛЬНЫХ РЕАЛИЙ ПРИВАТНОСТИ

А.Г. Козлов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Рассматривается социальный контекст, порождающий риски социального бытия приватности в современном мире, раскрываются причины, влекущие пересмотр границ приватного и публичного и утрату приватности. Внимание акцентируется вокруг противоречивого отношения современного человека к приватности.

***Ключевые слова:** риски, социальное бытие приватности, границы публичного и приватного, тайна, редукция приватности в сетевой реальности.*

В генеалогическом смысле приватное выражает право человека на «частное» бытие, личную собственность, «личное дело». Это право обусловлено опытом демаркации от физической и социальной среды. Такой опыт формирует личный контроль над собственной судьбой как обстоятельствами своей жизни, инициирует способность к выбору, самосознание свободы, автономии и ответственности. Как показывает социокультурный опыт человечества, частная жизнь онтологически неустранима, она «управляется необходимостью», частное бытие признается универсалией культуры, личной и социальной ценностью. Однако современная социальная жизнь демонстрирует дихотомию «должного и сущего» в проблеме утраты частной жизни, приватного бытия, конфиденциального принципа. Тенденции современной социальной жизни свидетельствуют о возрастающих рисках редукции феномена приватности.

Так, при обсуждении проблемы деполитизации современной общественной жизни и влияния на этот процесс традиционной парадигмы безопасности, современный итальянский философ культуры Дж. Агамбен указывает на опасную редукцию публичной и частной жизни и показывает, что специфичный для античной Греции и завещанный западной политике процесс политизации как конститутив публичного пространства сегодня разрушается: «Изначальное состояние активной и безусловной политизации уступает чисто пассивному состоянию, когда действие и бездействие, публичная и частная жизнь оказываются в одной куче» [1, с. 62].

Речь идет также о том, что существующие идентификационные технологии стирают традиционные границы «публичного» и «приватного». Дж. Агамбен доказывает, что в современности через подмену политической и социальной идентичностей идентификационными технологиями, разработанными для преступников, произошёл процесс деполитизации. Дж. Агамбен считает: «Распространение на всех граждан идентификационных технологий, разработанных для преступников (и

позднее для евреев), не могло не повлиять на политическую идентичность граждан. Впервые в истории человечества идентичность определяется не социальными «личностями» и их признанием, именем и репутацией, а биологическими факторами, которые совершенно не связаны с ранее названными, такими, как ничего не значащие чернильные кривые, оставленные большим пальцем на полицейской учётной карточке, или порядок генов в двойной спирали ДНК. Наиболее нейтральная и приватная информация становится носителем социальной идентичности, которая тем самым теряет свой публичный характер.

Но если моя идентичность теперь полностью определяется биологическими факторами, которые я не способен для себя выбрать и над которыми я вообще не имею контроля, то становится трудно конструировать что-либо похожее на политическую идентичность. Какие отношения я могу установить с моими отпечатками пальцев или моим геномом? Эта новая идентичность есть идентичность без личности, где этическая и политическая сферы, к которой мы привыкли, становятся бессмысленными и должны быть пересмотрены с начала до конца. Если греческий гражданин определял себя с помощью дихотомии «приватного – публичного», между домом – местом воспроизводства жизни, и городом – местом политики, то современные граждане, по-видимому, движутся в направлении безразличия между публичной и частной жизнью или, в терминах Гоббса, между телом природным и телом политическим» [там же]. Дж. Агамбен приходит к выводу, что тотальное наблюдение, видеонаблюдение как современная технология наблюдения, предназначенное первоначально для тюрем и банков, расширилось до публичных мест. Поэтому то, что стало находиться под видеонаблюдением более не является публичной сферой, не имеет публичного характера и становится зоной неопределенности между публичным и частным.

Трансформация социальности вызвана и тем, что произошла абсолютизация биополитики и озабоченности жизнью со стороны современной власти. Это обстоятельство повлекло за собой перестановку приоритетов, когда физическая идентичность заняла главенствующее положение по отношению к политической идентичности, а социальная идентичность редуцировала до телесной идентичности. Таким образом, в качестве причины редукции частной жизни, приватного существования называются такие социальные процессы, как обезличивание личности, тиражирование безразличного, восхождение к личности без идентичности, трансформация идентичностей.

Среди причин, приводящих к стиранию различия между автономными сферами приватного и публичного, называют трансформацию публичной сферы в публичную сцену. Публичная сфера предполагает отсутствие ограничений для любых форм дискуссий, свободу выражения и обсуждения, рациональность утверждений и аргументации. Однако сегодня, предельно широко репрезентируя публичную сферу, СМИ, влияя на саму

возможность взаимодействия и диалога, порождают опосредованные формы квазивзаимодействия и квазидиалога, инициируют новые способы самовосприятия и идентичности, а также новые виды перформативности.

Публичную сферу в публичную сцену делает непосредственное общение и прямые информационные потоки с помощью СМИ. Они персонализируют дискурс, отдавая приоритет неформальным стилям общения. Дж. Урри констатирует: «Телевидение делает публичным то, что прежде было приватным. До радио- и телевидения “публичная жизнь” была тем, что “меня не касалось”» [12, с. 258], будучи недоступной для посторонних. Дж. Коэн и Э. Арато также отмечают, что трансформация публичной сферы в публичную сцену элиминирует различия между ранее автономными сферами приватного и публичного [9]. Это приводит к тому, что множество «транслируемых» лиц попадают в дома людей, в их частную, приватную жизнь, вызывая у последних чувство личного знакомства с этими персонажами.

Образ общества как общества сцены и спектакля – это образ новой социально-исторической эпохи. Ги Дебор в книге «Общество спектакля» даёт характеристику этого общества [7]. Социальная жизнь приобрела сценарный характер. Спектакль повсюду, т. е. он детерриториализуется в том смысле, что сцена повсюду. В «понятиях» общества потребления, рыночной экономики, товара, всеобщей обмениваемости, меновой эквивалентности, игры объясняется суть общественного спектакля, контингентного сценического образа. Спектакль предстает как другая сторона денег, всеобщего эквивалента всех товаров.

О сценарном характере социальной жизни писали многие постмодернисты, в том числе Ж. Бодрийяр. Как принудительный сценарий, он характеризует любую коммуникацию в социальной жизни [4, с. 21–22]. В итоге спектакль (театр) на детерриторизованной сцене становится «онто», бытийной сутью, а не метафорой, понимаемой как инструмент познания социального бытия.

В современном социуме в тандеме со спектаклем находится симуляция. Как наблюдают критики постмодернистской культуры, постмодернистская симуляция выходит за бинарную оппозицию «копия–оригинал», симулякр ставит под удар и «копии», и «оригиналы» и заявляет свою третью позицию. Констатируется, что никакой подлинной или образцовой реальности не существует, а значит, не может быть и её искажения.

Современный человек живет в мире «подлинных» имитаций, а симулякр есть истина, доказывает Ж. Бодрийяр [5, с. 8]. Аргументом этому служит провокативная функция современных информационных технологий, которые имитации превращают в виртуальную реальность. Как справедливо отмечает российский философ П.К. Гречко, онтологически виртуальная реальность «гораздо реальнее, чем просто возможность, “возможностная” реальность. Постмодернистская симуляция есть попытка доказать, что не только всё возможно, но и что всё осуществимо» [6, с. 147].

Среди характерных особенностей современной социальности – радикальная открытость внешнему, как и радикальная открытость глобальному индивидуальному субъекту, личности, которая представляет угрозу существования частной жизни, приватности. Она проявляется, в частности, в демонстративных интернет-актах, в том числе в таких социальных действиях, как выкладывание фото детей в Интернет. В ответ на такие социальные действия возникает вопрос: не нарушаются ли при этом права человека, права ребёнка, право на неприкосновенность частной жизни? Как известно, право на неприкосновенность частной жизни входит в состав основных прав человека и гражданина. В России оно закреплено статьями 21–25 Конституции, Федеральными законами № 152 «О персональных данных», № 149 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», статьями 152, 152.1, 152.2 Гражданского кодекса, статьёй 137 Уголовного кодекса, а также международными актами, в том числе: Всеобщей декларацией прав человека, Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод, Международным пактом о гражданских и политических правах.

Из интернет-источника Flickr.com стало известно о проведении социального эксперимента по проблемной ситуации нарушения или нет прав человека при коммерческой деятельности с использованием фотографий чужих детей. Журналисты, которые стали продавать кружки с портретами чужих детей, считают, что нарушили право на неприкосновенность частной жизни в нескольких аспектах, хотя с юридической точки зрения их действия легальны. Речь идет о том, что неприкосновенность частной жизни состоит из нескольких правомочий. Одно из них – право контролировать информацию о себе. Это означает, что человек вправе сам решать (в допустимых законом пределах), где и какие данные размещать о себе и своей жизни. Исходя из этого авторы эксперимента не сделали ничего неправомерного. Люди сами публикуют фотографии на Flickr, имеющую лицензию Creative Commons с разрешением коммерческого использования контента. Однако часть лицензий Creative Commons провоцирует этические проблемы, поскольку допускает коммерческое использование фотографий.

Известно, что в некоторых юридических ситуациях для использования фотоснимков детей необходимо разрешение родителей (или законных представителей несовершеннолетних). Однако налицо амбивалентная ситуация, поскольку, выложив в Сеть фото детей, родители уже дали «неформальное» согласие на их распространение. Это влечёт возможность для других сайтов использовать выложенную фотографию ребёнка. Если картинка попала в поиск Google Image, то судьба её – разлететься по множеству ресурсов. Авторы эксперимента обнаружили, что скачанные ими фото детей были также на сайтах о путешествиях, о защите детей, о психическом здоровье. В итоге человек сам инициирует (загружает) фото (видео, тексты, музыка), включая фото детей, а веб-гиганты, с согласия самого пользователя, зарабатывают на частных данных пользователей.

В качестве примера можно сослаться на социальную сеть Facebook, которая 1 января 2015 г. объявила, какие персональные данные собирает о пользователях, а именно: посты, переписка, личные данные при регистрации, фотографии и видео, загруженные на платформу, – всё это Facebook хранит и при необходимости может использовать в своих целях; транзакции, осуществлённые через Facebook (например, донаты в Candy Crush Saga); действия пользователей на сторонних ресурсах, если они нажали установленные там кнопки «Нравится» (Like) или «Поделиться» (Share). При согласии с такой политикой использования данных ресурса человек (пользователь) добровольно отказывается от права контролировать информацию о себе (персональную информацию, которая лично идентифицирует пользователя) и тем самым от права на неприкосновенность частной жизни.

Ещё один амбивалентный «риск» радикальной открытости внешнему (не приватному) личности, который угрожает существованию частной жизни, приватности и который предоставляет сетевая реальность, – нарушение права на конфиденциальность. Принцип конфиденциальности, несмотря на недефинируемость «конфиденциальности» в отечественном правовом дискурсе, подразумевает, что если лицо получило доступ к сведениям о частной жизни другого лица, то оно не вправе без разрешения передавать их третьим лицам. Однако под «третьим лицом» может пониматься различный «контекст», т. е. разные социальные и институциональные субъекты, которые могут иметь «особые права». Так, в социальной практике не являются нарушением частной жизни сбор, хранение, распространение и использование информации в государственных, общественных или иных публичных интересах, а также в случаях, если информация о частной жизни гражданина ранее стала общедоступной либо была раскрыта самим гражданином или по его воле. В социальных реалиях, в медицинской и биоэтической практике, принцип уважения права на автономию, на конфиденциальность пациента не позволяет разглашать сведения о заболевании пациента без его согласия. Но если диагноз запрашивают правоохранительные органы в интересах следствия, то медицинское учреждение может его назвать. В сетевой реальности правило конфиденциальности не гарантируется во многих случаях. Параметры конфиденциальности условны в том смысле, что за ними не следят «бдительно». Так, надежда на то, что интимные публикации пользователя увидят только близкие, несостоятельна.

В сетевой реальности сложнее понять правовую и этическую природу приватности, определить границы приватности (privacy), в которой «завязаны» естественные права человека и близкое к ним понятие «конфиденциальность». Как отмечают исследователи, занимающиеся проблемой приватности и анонимности в Интернете, соглашаясь предоставить информацию о себе в открытый доступ, человек должен понимать, что важно различать «контекст приватности», например ком-

мерческий, когда эти сведения останутся приватными, а когда нет [14]. Х. Ниссенбаум считает, что в теории компьютерной приватности необходимо учитывать социальный (общественный) контекст, иначе приватность может конституироваться как абсолютная норма. Приватность должна пониматься как сохранение целостности информации в определенном контексте. Если происходит смена контекста, то это влечёт изменение представлений о приватности. В статье «Могу ли я скопировать программу ближнего своего?» Х. Ниссенбаум раскрывает ситуации «контекста». Так, она обосновывает позицию, согласно которой копирование компьютерных программ в некоммерческих целях может быть морально допустимо, хотя и противоречит закону [там же].

Такая точка зрения ставит проблему соизмеримости морального права и моральной ответственности с юридическим правом и юридической ответственностью в интернет-пространстве. В коллективном труде «Этика Интернета» («Internet Ethics») дается толкование особенностей взаимосвязи сетевых технологий с моральными и социальными ценностями, среди которых и приватность [13]. Аксиологический смысл приватности заключается в том, что приватность – атрибут личности, которая, в свою очередь, является составляющей (или элементом) общества. Личность, сохраняя свою самостоятельность, имеет своё место в социальной структуре общества. Поэтому приватность неискоренима. Ряд авторов «Этики Интернета» идентифицируют приватность в качестве контроля над личной информацией. Другие авторы, например американец Х. Таваши в главе «Приватность и безопасность», утверждают, что речь должна идти не о контроле над личной информацией, а об ограничении доступа к ней [13].

Таким образом, цифровые реалии постепенно смещают и даже «поглощают» нормы этики, а контекст приватности постоянно ускользает и меняется часто не по воле человека. Причина эта и в том, что моральное редуцирует к юридическому, и в том, что социальные медиатехнологии вторгаются в зону приватности и меняют контекст информации. Заметим, что в данном международном коллективном труде приватность истолковывается как состояние уединения, неприкосновенности частной жизни, тайна нераспространения личной информации.

Видение приватности как тайны нераспространения личной информации не случайно. Тайна – это символ. А символ – это смысловая реальия, знак. В.В. Ильин отмечает: «Символ свидетельствует о большем, нежели что-то значит. В точном смысле слова он отменяет оптофанию (проявление сущего). Коль скоро это так, символическое отношение активизирует фабульную сторону (в отличие от рассудочно-аналитической стороны, руководствующейся тождественностью, каузальностью), ответственную за (“индетерминистскую”) избыточность. Сказанное радикализирует в символическом планы: смыслозначимость; перенос; избыточность» [8, с. 21].

Тайна символизирует власть сверхъестественного, что объясняет завораживающее её действие на большинство людей. В связи с этим

возникает желание освободиться от неё, как от бремени, непосильной ноши, отмечал основоположник индивидуальной психоаналитики К. Юнг. Однако, с другой стороны, «способность подчинить себе это состояние напряжения дарует сознание устойчивого превосходства над другими людьми – чувство, которое роднит личностей, живущих вне закона, шпионов и тайных советников королей и магнатов. Это же понятие лежит в основе привлекательности эзотерической мысли и всех форм магии в литературе и искусстве» [11].

Раскроем философский и социокультурный контекст реалий «тайны», поскольку в современной социальной жизни, «парадоксальным образом таинственность мира не только не уменьшается, а, наоборот, все возрастает» [10, с. 56] и это происходит, несмотря на доминирующую в культуре модерна парадигму «ясности сознания» Р. Декарта. Как миф, который по сути является тайной, так и мифология через языческие суеверия, оккультизм, магию, колдовство, спиритизм, активизируют бессознательные, мифологические пласты сознания человека. Религиозная форма сознания строится на понятии Бога, который, по определению, всегда есть тайна. Следует согласиться с тем, что тайна – «вечный» феномен и «вечная» философская категория, поскольку вероятная потребность в тайне (в чуде) неиссякаема, пока жив человек.

На личностном уровне тайна – это личностная модальность, способ личностного бытия, объект волевого самоопределения субъекта. Образ тайны зависит от индивидуальных личностных переживаний, неповторимого жизненного пути личности, личностных характеристик. Образ тайны трансформируется под влиянием личностного контроля. Так, в образе тайны могут доминировать аффективно-эмоциональные переживания, когда снижены мыслительные функции, рефлексивность психических процессов, и рационально-критические функции, которые блокируют аффективную, иррациональную составляющую образа тайны.

Ценностно-смысловая составляющая личности постоянно усложняется, восходит к высшим этапам рефлексивности, что расширяет содержание, семантику феномена тайны, провоцирует тайнотворчество, мистериальное мироощущение и мировоззрение. В этой тенденции эксплицируется эволюционная заданность к частному, приватному бытию.

Тайное, мистериальное заложено в природу человека и его сознания, поэтому тайна влияет, властвует над человеком и создает горизонт его самоопределения. Философы считают: «Тайна оказывается пограничьем между человеком и миром, бытием и небытием. Различаются тайны познания и тайны общения. На грани предельного смысла человеческого и природного тайны духа сопрягаются с проблемами конкретных наук, а в сфере общения – со способами управления людьми, организации их сообществ» [10, с. 59]. Феномен «тайны» сегодня остаётся непознанным, хотя она может быть понята как универсалия культуры, способ бытия человека в мире, форма его сознания.

Виртуальная реальность, сетевое пространство провоцируют актуальность тайны, а их механизм – средства массовой информации – усиливают, как правило, псевдокультуру тайны, поскольку манипулируют сознанием человека. В эпоху постмодерна таинственность, мистериальность мира не только сохраняется, но наблюдается тенденция её роста. Мир постмодерна по сути оказывается «непрозрачным», о чём заявляют многие современные мыслители. Иронично можно намекнуть, что исключение составляет содержание работы Ж. Бодрийяра «Прозрачность зла» [4]. Сознание современника по-прежнему ориентировано на мистериальное ощущение, поэтому оно характеризуется своей пессимистичностью, зависимостью от загадочности бытия и таинственности мира, «восходит» к гносеологической ситуации «незнания о знании».

Итак, можно констатировать, что современник попадает в амбивалентную и рискованную социальную ситуацию. С одной стороны, он живет в эпоху утраты приватности, процессу, которому способствуют современные технологии. С другой стороны, на антропологическом, экзистенциальном, личностном уровнях сохраняется мистериальная форма сознания.

Среди рисков социального бытия приватности – появление информационного права, которое деление права на частное и публичное делает ещё более зыбким [3, с. 106]. В настоящее время место информационного права в системе прав не определено, но существуют лишь различные его «видения». Среди них – как подотрасли административного права, как подотрасли гражданского права, как комплексной отрасли права. Речь идет о том, что здесь «...выделение частного и публичного права будет настолько относительно, настолько изменчиво, что имеет смысл лишь для того, чтобы сформулировать, какой интерес в настоящий период времени в конкретном государстве отнесён к публичному, а какой – к частному» [2, с. 16].

Список литературы

1. Агамбен Дж. Этика технологий безопасности и наблюдения // Человек. 2015. № 2. С. 57–65.
2. Адыгелазова Г.Ю. Соотношение частного и публичного права с позиции социологического правопонимания // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 12 (62), ч. 2. С. 13–16.
3. Бачило И.Л., Лопатин В.Н., Федотов М.А. Информационное право: учебник / под ред. Б.Н. Топорнина. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2005. 789 с.
4. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: ДОБРОСВЕТ. «КДУ», 2006. 258 с.

5. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387 с.
6. Гречко П.К. Онтометодологический дискурс современности: историческая продвинутость и её вызовы. М.: ЛЕНАНД, 2015. 312 с.
7. Дебор Ги. Общество спектакля. М.: Логос, 2000. 224 с.
8. Ильин В.В. Теория познания. Симвоология. Теория символических форм. М.: Издательство МГУ, 2013. 384 с.
9. Коэн Джин Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория: пер. с англ. / общ. ред. И.И. Мюрберг. М.: Весь мир, 2003. 784 с.
10. Найдыш В.М., Найдыш О.В. Власть тайны // Человек. 2015. № 3. С. 56–68.
11. Тайна / Керлот Х.Э. Словарь символов. М.: REFL-book, 1994. С. 501.
12. Урри Дж. Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI столетия. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 336 с.
13. Internet Ethics /Ed. by D. Langford. Houndmills etc.: Macmillan press, 2000. 281 p.
14. Nissenbaum H. Should I Copy My Neighbor,s Softwares? Computers, Ethics & Social Values // Internet Ethics /Ed. by D. Langford. Houndmills etc.: Macmillan press, 2000. P. 201–213.

PRIVACY RISKS OF SOCIAL REALITY

A.G. Kozlov

Tver State Technical University, Tver

The article examines the social context generating social existence privacy risks in the contemporary world. The reasons for the revision of the boundaries between the private and the public, as well as for the loss of privacy are revealed. In this perspective, the contradictory attitude of the contemporary man to privacy comes to the forefront of analysis within the article's format.

Keywords: *risks, social existence privacy boundaries of the public and the private, secret, reduction of privacy in a networked reality.*

Об авторе:

КОЗЛОВ Андрей Геннадьевич – аспирант кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь. E-mail: pif1997@mail.ru

Author information:

KOZLOV Andrey Gennadyevich – Ph.D. student of the Dept. of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: pif1997@mail.ru